

АЛЕКСАНДР КАТКОВ

Сирень

Стихотворения о любви

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

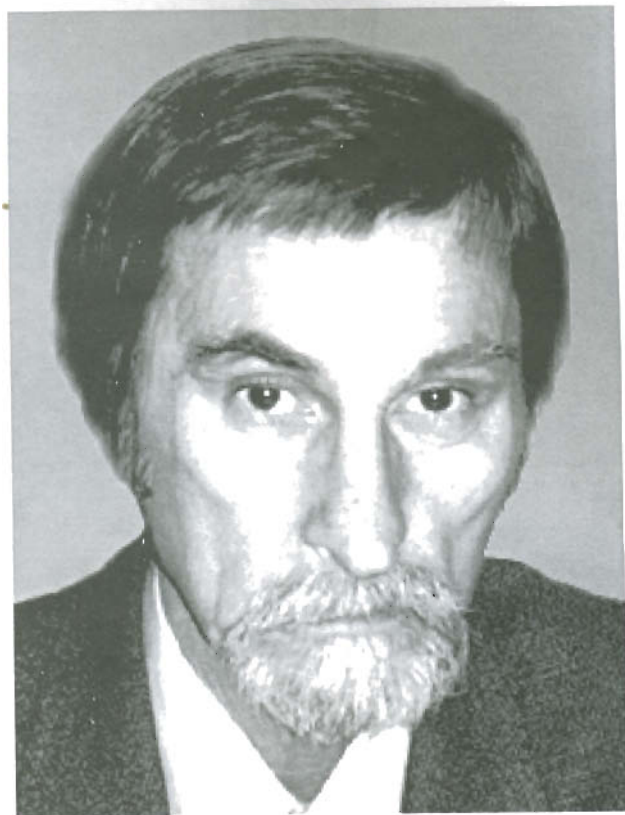
Колич. пред. выдач.

Александр Катков
СИРЕНЬ

Муниципализованная
Библиотечная система
Юргинского района
Кемеровской области
ИНВ. № 42220

Александр
КАТКОВ

Сирень

Стихотворения о любви

«СИБИРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»
2005

*В дни вселенского потрясения,
у прохожих, зевак на виду,
запоздалый букет сирени
на колени Ваши кладу.*

А.А. Костюков

СИРЕНЬ

«Живи, как хочешь...» — женщина сказала.
Он вышел в город.

Бесновался май.

Сирень, впадая в обморок, свисала,
устав просить прохожих: « Не ломай!»

Он не ломал. Весенних и цветущих
Второй раз нестерпимо обломать.
В раю земном, в недолговечных куцах
пусть и другим придется обнимать.

Возможно, так он именно и думал,
А, впрочем, вряд ли думал он тогда.
Среди людей и уличного шума
он уходил неведомо куда.

Потом был парк, толпа, аттракционы.
Терялась жизнь.

И он вина купил.

Но на людей взирая отрешенно,
он очень долго то вино не пил.

Быть может, горевал, соизмеряя
пустую жизнь с веселостью вокруг,
декабрь в груди с веселостью мая
и вкус вина с недавней мятой рук.

А, может, он писал стихотворенье
о горестной свободе и о том,
как веткою надломленной сирени
та женщина осталась за окном.

В самолете уснул и заплакал.
То ли горе явилось ему,
то ли голос услышал из мрака,
не звучащий еще никому.

Он когда-то весь мир вместо Бога
на несильные плечи взвалил
и всю жизнь, трепеща от восторга,
ту, единственную, любил,

что жила без него, но с любимым
у себя на втором этаже,
а его содрогались турбины
на опаснейшем вираже,

над зияющей пропастью слова,
над исчерканной бездной листа,
чтобы снова, снова и снова
низвергала его высота!

Все прошло. Не решились вопросы.
И летел он, низвергнутый Бог,
и, глотая во сне свои слезы,
он проснуться хотел и не мог.

* * *

Я поставил тебя, как икону,
выше совести, выше звезды.
Но в ответ из просторов бездонных
рассмеялась презрительно ты.

Я трубою составил ладони,
закричал в небеса, что есть сил.
Но с небес старичок обозленный
мне в ответ кулаком погрозил.

И тогда я собрал свои силы
и низвергнул тебя с высоты!
Но успела сказать мне: «Мой милый...»
в бездну падающая ты.

* * *

Бывает миг, когда печально
припомнишь женщину одну,
как будто лето с иван-чаем
тебе поставили в вину.

Она еще не понимала,
что ты исчезнешь навсегда,
и неумело обнимала
тебя, беспутного, когда

июнь в оранжевой рубашке
ее обманывал в лугах
и поцелуи, как ромашки,
цвели беспечно на губах.

* * *

И локон пепельных волос,
и жест небрежный —
все это женщиной звалось,
святой и грешной.

И, забывая грех и срам,
любил и падал,
когда все ночи, по утрам
была наградой.

Казалось — это навсегда,
Уже — навечно.
...Но две судьбы, как поезда,
неслись навстречу.

* * *

Татьяне

От одиночества спасала
письмом, нечаянным звонком.
Какая вьюга задувала
В ту зиму за моим окном!

Тебя я видел снами, явью
среди множества судеб и лиц,
но знал: тебя одну прославить—
не хватит тысячи страниц,

и даже всех надежд не хватит
на колоссальнейший успех,
и нет мучительней расплаты,
чем знать, что ты прекрасней всех.

* * *

Вот и выпали снега,
Вот и выпали.
Над планетой день стоит снеговой.
Мы до донышка октябрь вместе выпили,
до сих пор хожу с хмельной головой,

Все проходит на земле,
все кончается.
Эту истину поймешь ты сама.
А пока высокий тополь качается ,
от октябрьских небес без ума.

И пока живу,
надеюсь и верую,
что окончатся мои холода.
Ты была моей последней, как первую...
Я тебя не разлюблю никогда.

* * *

Нет тише этой тишины
под снегопадом.
Шаги на улице слышны,
как будто рядом.

И даже падающей снег
на сад и крышу,
мне кажется, я целый век
не просто слышу —

я слышу полуночный сад,
тот сад, в котором
двух разных женщин голоса,
как две валторны,
звучат согласно, без вражды,
былого горя,
на краешке одной беды
друг другу вторя.

Они сливаются в судьбу,
но в смертной жажде
прикосновение ко лбу
я ощущаю каждой.

Но возникает мутный свет
в ночной фрамуге,
и сходят медленно на нет
все эти звуки.

И как уже бессонниц двух
ночь не имеет,
так зрение сменяет слух
и мир немеет...

* * *

Снега повалили, словно снега судьбы,
как будто разверзлось над этими крышами
небо.

И память — моя завьюженная Сибирь
уже не вмещает такого нашествия снега.

И вот, увязая, плетутся мои декабри,
а я вопрошаю, подняв залепленные веки:
«Кому наверху удалось этот снег сотворить
на тысячу зим, на разлуку, навеки?»

Уже твоего не различаю лица,
ты дальше и дальше,
твой голос все тоньше и тоньше...
И белый троллейбус уже не дойдет
до кольца —
как мамонт, исчезнет за снеговой толщей.

СТИХИ ФЕВРАЛЮ

Месяц метельный, февраль,
кроме того, что разиня,
ты невозможный враль,
самый неверный из зимних.

Что мне метели твои,
что мне напасти и беды!
Пробуй, рискуй, твори
и заморозь напоследок!

Я доживу до весны,
до воркотни голубиной,
до чехарды, кутерьмы
и до приезда любимой.

Как она вновь с высоты
сходит, ну разве ты знаешь?!
Это ведь я, а не ты
плечи ее обнимаешь.

17

Централизованная
библиотечная система
Оргинского района
Кемеровской области
ИНВ. № 42229

Разве хоть раз довелось
видеть тебе после встречи,
как беззаботно, беспечно
сыплются шпильки с волос?

Ну, а пока куролись,
ситный мой друг, но хороший,
если любимая есть,
значит, и жизнь моя — тоже.

* * *

Вивальди. «Ночь».
Какая вьюга!
О, кто сумеет нам помочь
забыть друг друга?

Я не хочу тебя любить!
Уж лучше дыба.
Ну сколько о тебе трубить?
Ну! Либо — либо!

Косноязычен, как пророк,
главу склоняю.
Переступи же мой порог,
я
заклинаю.

* * *

Какая долгая зима...
Как дни протяжны и безмерны...
Метели дикой кутерьма
уже не кончится, наверно.

Кто там шаманит у окна?
К кому пожаловали бесы?
И даже дальняя луна
от вьюги спряталась за лесом.

И даже дом пустынный мой
дрожит промерзшею фрамугой,
в котором долгою зимой
я жду любимую и друга.

* * *

...И никого... И снег стоит
под небом пепельным и мглистым,
как будто снегу предстоит
решиться снова в путь неблизкий.

Меня впускает этот снег,
как будто все он понимает,
и в две строки пунктирный след
за мной теряется и тает.

И телу не принадлежа,
я растворяюсь в горе белом,
где моя детская душа
в разладе с совестью и телом,

где сны летят сквозь снег и тишь,
меня крылами задевая,
туда, где ты в слезах стоишь,
моей свечи не задувая...

* * *

Однажды посреди пути
на полустанке одиноком
с ночного поезда сойти
и проводить мерцанье окон.

Потом в сторожку постучать,
узнать, что там едва ль откроют,
там света нет, там выпит чай
и спать легли в обнимку двое.

А ветер будет выть во тьму
за насыпью в январском поле...
И вот тогда-то я пойму,
насколько я тобою болен.

И снег, и некуда ступить...
Но я-то знал до непогоды,
что на разъезде том в степи
уже давно никто не сходит...

Зима устала, замерла
над крышами и над дворами,
и отражают зеркала
парящий снег в оконной раме,

И все бы вроде как всегда,
когда бы музыка сквозная
не воскрешала без труда
все то, что помню и что знаю.

Но это было так давно —
три вечности назад, три ночи.
Смотрю, как в зеркало, в окно,
воскресший узник-одиночник.

Но вот опять снега летят,
и мир уже не различаем,
и, видно, этот снегопад
над этой жизнью не случаен.

Все улеглось. И я сыграл
в бот весть какой полночной драме.
и только снег летит с зеркал,
чтобы пропасть в оконной раме.

* * *

Я развеял над миром, как пепел,
незабвенное имя твое,
чтоб мои ставропольские степи
поросли чабрецом и быльем.

Как я праздновал!—
с пляской и с песней!
Содрогался от ужаса дом.
Было гордости больше иль спеси
в отреченье поспешном моем?

Я-то думал: ты сгинешь во мраке
по прошествии стольких-то лет
и спросонья залают собаки
на жасминовый чудный твой след.

Вот и канули первые годы.
И, над жизнью подранком трубя,
так теперь ненавижу свободу,
как тогда ненавидел тебя.

* * *

Дышать легко и жить не больно
за памятью, как за стеной.
Но вспоминаются невольно
июнь и голос озорной.

И ощущение нисходит
превыше разума и слов,
что все еще не на исходе
твоя последняя любовь.

Не страшно звонких дней лишаться,
как будто ты еще не жил.
И строки ясные ложатся
в дневник истерзанной души.

И вот тогда из слов светлейших
твоя слагается судьба,
где взгляд веселый и небрежный
и кровь черешен на губах...

* * *

Мне снился дождь в осеннем палисаде,
и кто-то мне сказал: «Живите врозь...»
А я сказал: «Оставьте, Бога ради,
и вы, и сон, промокшие насквозь».

А там, где были мальвы в палисаде,
где поцелуи нас бросали в дрожь,
ты говорила мне: «Ну, Бога ради,
зачем целуешь так в обманный дождь?»

А ночь была, где руки наразброс,
где у виска, и холода и грея,
твой локон, зацелованный до слез,
и завиток, и родинка на шее.

А я все спал под дождь и непогоду,
я был дождем, слезами и судьбой,
не зная, что ходили мы под Богом,
и ты, и я, и жалкая любовь.

* * *

Поперхнувшись табачным дымом,
посредине потерь мировых,
вдруг припомню, как звался любимым
у колен драгоценных твоих.

Это было столетие счастья,
это мигом прощанья звалось.
Не прошу ни любви, ни участия —
лишь бы встретить тебя привелось.

Я скажу, как провел свои ночи,
как я выжил холодной зимой.
Пусть ты памяти этой не хочешь —
это было с тобой и со мной.

Это было в кануны предзимья,
когда лист от дерев отлетал
и твое неизбывное имя,
как заклятие, я повторял.

* * *

Не рви мое сердце на части!
И пусть я не нужен тебе —
давай возжелаем участия
к друг другу и к нашей судьбе.

Давай мы печалиться будем
о том, как мы жили тогда,
когда выводила нас к людям
пленительнейшая звезда.

Как горько — не ждать и не верить
ни жизни своей, ни судьбе,
в июньских предутренних скверах
любить и писать о тебе.

* * *

Я потрясал людей до слез,
но ты глядела равнодушно.
Я стал бездомнее, чем пес,
но ты не отворяла душу.

Меня забыл печальный сын,
моя беда и мое чудо.
И я бояться стал осин,
как будто это я — Иуда.

Я стал чужим тебе, себе,
но повторял я изречение:
«И да воздастся по судьбе
гордыням нашим за мученья».

* * *

Всю ночь весна буянила
и с крыш текло.
И до утра таранила
капель стекло.

Пусть жизнь кружилась замаятью
и все же жаль,
что сдал, упавший замертво,
в сугроб февраль.

Ах, дом мой, моя улочка,
пришел ваш срок.
Но вышел в город утречком,
а под ногой — ледок.

Вот так и боль, как улица,
как этот лед,
то навсегда забудется,
то сердце рвет,

то к вечеру хохочется
от разных вин,
то ночью жить не хочется
среди руин.

Но март не может иначе —
и с крыш течет,
и каждая слезиночка
наперечет.

Что случилось, что стряслось?
Жалость к горлу подкатила,
словно то, что раньше было,
не на эту жизнь пришлось.

Словно женщина одна
не меня еще любила,
и другого позабыла
и моя не здесь вина.

Жалость, жалкое из чувств,
от нее куда мне деться?
Словно я, забыв одеться,
снова в чью-то дверь стучусь.

Помню — слушали меня
и хозяева и гости,
было весело и просто
у случайного огня.

Но погашены огни,
словно вымерли за дверью.
Остается только верить,
что проснутся вдруг они.

* * *

...Как велика холодная Сибирь,
как Ангара спокойно-величава...
Но если я еще тобой любим,
то не забудь, что я еще причалю.

Наш пароходик выпускает дым,
неужто он переплывает Лету?
Но верю я, что все еще любим,
и ты еще не дождалась ответа...

* * *

...Закрою дверь, как закрывают книгу,
добравшись до финала и до слез.
Что значит вечность по сравнению с мигом,
когда любил. И в этом весь вопрос.

Завязка и развитие сюжета,
как оказалось, были ни к чему.
Я так любил. Прости меня за это.
А остальное я и так приму.

* * *

Может, фортуна дудит на трубе,
может быть, Бог? Наш вагон отцепили.
Мы с проводницей остались в купе,
я ей читаю поэму о Чили.

Нет электричества. Свечку зажгли,
чтоб осветить два неведомых мира.
Мы посредине январской земли,
только составы проносятся мимо.

Вот и сошлись две бродячих судьбы,
словно сошлись две печали над нами.
Как обойтись без полночной волшбы,
если в зрачках колеблется пламя?

Нет между нами ни капельки лжи,
взглядом друг другу еще не соврали.
Замерли только две сирых души,
словно преступно «стоп-краны» сорвали.

Может быть, встречу на этой земле,
взглядом задену неосторожно?
Если возможна свеча на столе,
значит, и встреча тоже возможна?

Ну, а пока только снег и пурга,
только мерцание слабого света.
Как эта женщина смотрит!
«Тайга» —
так называется станция эта.

ДЕРЕВЕНСКИЙ РОМАН

Забыв про слухи, злые толки,
про пересуды на углах,
не ускользала втихомолку,
а улетала на крылах!

Какое умопомраченье!
А дома ждали муж и дочь.
И что высоких слов значенье —
как им помочь, себе помочь?

Но все прошло само собою:
уехал он, а где-то там
она, хранимая любовью,
несла по миру грех и срам.

Он знал дороги, заграницы,
веселых женщин, жизнь вверх дном.
Она — бессонницу, больницы,
немного неба за окном.

Ну что ж, бывает — скажут — ладно...
Ну бабья осень, два крыла...
Но все бы было заурядно,
когда б она не умерла.

* * *

Долетит вдруг среди гама и гуда,
чуть подрагивая и скорбя,
этот выдох невесть откуда:
«Как я буду жить без тебя?!»

Почему в этом мире непрочном,
где в потемках душа чуть жива,
чем угодно, но только не строчкой
надо мною витают слова?

Неужель произнес их однажды,
и о чем, и кого я молил?
Если жизнь — утоление жажды, —
эту жажду сполна утолил.

Я забыл прибалтийские сосны,
мокрый ветер и скрипы вершин,
где в два неба отпущены розно

память тела и память души.
Но какую ж должна быть разлука,
если память дотла истребя,
вновь услышать на горе и муку:
«Как я буду жить без тебя?!»

И летит, обреченный и нежный,
в полуяви ли, в полусне,
из земли или, может быть, с неба
выдох твой, обращенный ко мне.

* * *

Памяти Евг. Ж.

Как же мог о тебе позабыть я
пред бедой, доводящей до слез,
если через горнила событий
твое чистое имя пронес?

Столько было... Любовь и отчизна,
твоя смерть и такая вина,
что не хватит отныне и присно
по тебе холодов и вина.

Потому и никто не отнимет
ни в беде, ни в безумной гульбе
твое дальнейшее чистое имя,
словно эхо по мне и тебе.

1937—1973

Памяти Евг. Ж.

Год рожденья и год ухода...
как в повернутых зеркалах
отражаются зыбкие годы —
в них смеялась, когда жила!

Перевернутых две семерки!
Но одна приходилась на жизнь,
а другая — прощальной зимою
на печальнейшую из тризн.

Я стою над могилой, притихший,
и роняю, как тополь листву,
запоздалые четверостишья
в прорастающую траву...

Приснились стихи,
я писал их лет восемь назад.
И только теперь,
этой долгой февральскою ночью,
сказали стихи мне:

«Ну, что же ты, брат,
зачем ты тогда это горе себе напророчил?»

Ах, если бы знать,
я бы их не писал никогда,
я двери б закрыл
и всю ночь целовался с любимой,
которая после мои развенчает года
и скажет, что я, а не мы эти годы сгубили.

А все-таки нет!
Разве мог я тогда не писать
о том, что беда
во весь рост мне шагает навстречу,
о том, что нигде —
на июньской земле,
в небесах —
тех лет и той женщины больше не встречу.

КРУГ

О, ангел залгавшийся! Сразу бы! Сразу б...

Б. Пастернак

1

Ничего тебе не зачтется,
ни слова твои, ни дела,
эта боль, что по краю вела,
не поднимется, не извлечется —
будешь жить, как и раньше жила.

И когда наша боль отзовется
не кому-то другому, а мне —
по чужой, безответной вине, —
все припомнится, все зачтется
и запишется в Судном дне.

И за то, что я принял вериги,
принял боли позорный престол,
что, хрипя под судьбою, как вол,
я не вел канцелярские книги
и обидам подсчета не вел,—

и за все это в наказанье,
в обманувшей закатной судьбе,
на признанья в бездумной гульбе
ты посмотришь моими глазами —
и не будет спасенья тебе.

Я отдал утренние годы,
но что же получил взамен?
Как полюбить свою свободу,
когда в ненастную погоду
я жду с надеждой перемен?

И не гляжу на жизнь с упреком,
как листья, даты вороша.
Жизнь не окончилась до срока,
но почему ж с ее уроком
не соглашается душа?

Быть может, многого хотелось,
гораздо больше, чем имел?
Куда же это время делось,
когда мне так чистейше пелось,
а я еще не так умел?!

Но в листопаде, в горьком дыме
я вспомню всем обвалом чувств:
какими были молодыми!
И вот тогда, забыв гордыню,
твоей пропажи спохвачусь.

Милая, как мне тебя не хватает...

В сырых аллеях, где лист отрешенно витает,
в залах вокзальных, где ночи без сна

коротают,

там, где зеваки праздно за руку хватают,
мне не хватает, мне очень Тебя не хватает.

Всю эту жизнь я тебя забываю

в смертном и невосполнимом долгу.

С женщиной чуждой казнюсь, но все же

бываю,

и уезжаю в промерзших полночных трамваях,
и мое сердце, как пломбу стоп-крана,

срываю —

так забываю и все же забыть не могу.

Кто ты такая? Ну кто ты такая?

Я разбазарил стихи и признанья свои...

Я понимаю, я эту вину принимаю,

как я краду, как Тебя на виду обнимаю,

словно тем самым от черной беды отнимаю

и не могу догрести, не могу докричать

до любви...

Ну что же, давай
подытожим:
полжизни прожито, дружок.
Давай же ей руку предложим
и вальс обещанья продолжим
под дивный и чудный рожок.

А мир — он как прежде прекрасен,
и рано идти на разрыв,
когда у природы ненастной
еще остается в запасе
берущий за душу мотив.

И пусть деревья облетают,
есть утро надежды, мой друг,
когда через силу сплетают
объятья и слезы глотают,
но все же выходят на круг.

Вот и опять ты меня завела,
юность, моя мимолетная гостья,
в сонные улочки Пятигорска,
в маленький дворик, второй от угла,

Кто это снова всю ночь простоит,
руки целуя, во дворике тесном?
Чей это свет и за чьей занавеской
в полуподвальном окошке горит?

Девочка, где ты? Подай же мне весть!
Поздно. И мы не увидимся снова.
Я о тебе написал бы. Но есть
стихотворение Смелякова.

Лида, какие метели мели
здесь, по моей необъятной Сибири!
Как хорошо, что друг друга любили,
все же успели, все же смогли.

Что же еще о былом говорить,
если на сердце так пусто и ясно?
Ты потому и осталась прекрасной,
что невозможно тебя повторить.

Я эту мысль додумаю потом.
Теперь бы мне с собою разобраться —
поставить точку, с памятью расстаться.
и пусть она летит за окном.

Повадилась бессонница ко мне
ходить и ждать над самым изголовьем,
когда прощусь с единственной любовью,
лишь мутный свет появится в окне.

Но засыпаю, сны мои легки,
я чутко сплю, и мне под утро снится
та женщина, как чистая страница,
где нет еще нечаянной строки,

нет той строки, которая насквозь
малиновою нитью жизнь прострочит
и все до мелочей мне напорочит,
до бездны, до бессонницы, до слез.

Я признаю, что виноват во всем,
но не будите, птицы, не будите.
Есть мысль одна, страшнее, чем открытье.
Но эту мысль додумаю потом.

Промываются окна в домах деревянных...
Это март на земле.

Промываются окна.

Я забрел на окраину, светлый и пьяный,
и пишу о тебе, под капелью промокнув.

Я гортань полощу строкой молодой,
я и сам, словно март, независим и молод!

Обхожу эти тазики, ведра с водою
и влюбляюсь в прохожих и в мартовский
город!

Я люблю этих женщин у окон открытых,
этих мартовских Золушек,

всех до единой!

Их глаза, словно окна, капелью промыты,
и скольжения рук их плавней лебединых!

И в два пальца свищу соловьем обалделым
посредине весны изо всей моей силы.

Я люблю этот день!

И какое мне дело,
что любимая где-то меня разлюбила?!

Я влюблюсь при честном

и весеннем народе,

среди прохожих посею роптанье и смуту!

Но счастливая женщина прядку отводит,
и вослед не глядит,

и смеется чему-то...

* * *

Так целовать, чтоб летели заколки
на пол,
на жизнь,
на твою ворожбу!
Пусть за спиною молва, кривотолки,
лишь бы сгореть на губах и на лбу!

Что там палящего солнца зенит,
если от жара нежданных объятий
жизнь убывает и сердце звенит
и на всю жизнь сумасшествия хватит!

Но почему же встаешь поутру
жалкой, бескрылою и земною?

.....

Если когда-нибудь я и умру,
то потому, что расстанусь с тобою.

* * *

Глаза б мои не видели тебя,
сместись хотя б на тыщу километров!
Достаточно того, что, так любя,
я за тобой уже не вижу света.

Наклон твоей беспутной головы
мне застил свет, что был и мил, и ярк.
Я имя оставляю для молвы,
и это лучший для тебя подарок.

Мне осень шлет подметное письмо,
написанное на листке рябины.
И остается помнить лишь умом,
что был и я нечаянно любимым.

И стыдно, ненавидя и любя,
желать опять бесплодно, бесполезно,
чтобы глаза увидели тебя,
хотя бы на мгновенье — перед бездной.

* * *

Летишь сквозь небесные вьюги,
как ангел полночный с трубой.
Моя золотая подруга,
я предан и продан тобой!

«Послушай, — кричу я, — послушай
Лети до другого огня!
Я отдал гордыню и душу,
а большего нет у меня.

Лишь тело, **никчемное** тело,
да воздух, **один на двоих**.
Послушай, **какое** мне дело
до чудных **обманов твоих?**»

А ты сквозь небесные **вьюги**
летишь с побелевшим **лицом**
и ждешь., что возьму на **поруки**
тебя перед чистым листом.

ОТРОЧЕСТВО

Ты скажешь: «Милый, как давно!»
Но, к жизни ключик подбирая,
скажу тебе: «Не я виной,
что где-то музыка играет».

За то, что это не с тобой,
я внес уже двойную лепту,
но память крутит киноленту
с названьем «Первая любовь».

И в той дал, и и в том кино
луна над крышею свисает,
и в клубе музыка играет
с названьем чудным — «Домино».

Там отрочества мир высок
и смел, как сорок оборванцев!
Но подойти — избави бог,
не пригласить тебя на танцы.

Ты с тем пойдешь, кто посмелей,
а я сбегу от наважденья
и лунной тенью тополей
свое прикрою отступленье.

На сене буду засыпать,
и слышать музыку из клуба,
и нецелованные губы
во сне я буду целовать.

Ты с тем пойдешь, кто посмелей,
а я сбегу от наважденья
и лунной тенью тополей
свое прикрою отступленье.

На сене буду засыпать,
и слышать музыку из клуба,
и нецелованные губы
во сне я буду целовать.

РОЩА В НОЯБРЕ

Продуто, горестно в душе...
И меж ветвями, меж годами
лист на последнем вираже
еще кружит, не опадая.

И мир, продутый до краев,
гудит по-прежнему от ветра,
а запоздалая любовь
не дождалась еще ответа.

* * *

Еще ноябрь не наступал,
но навещал уже украдкой.
Был небосклон тревожно — ал,
и по утрам, как в лихорадке,

наискосок, потом вразброс
летели листья и ложились,
как будто, заходясь от слез,
рассудка начисто лишились.

Но понимали деревья,
что мы не встретимся с тобою,
что буду жив и ты жива
надеждой разной и судьбою,

что эта боль не заживет
и жизни всей уже не хватит
забыть закушенный твой рот,
твой взгляд и плечи для объятий.

НА ОСЕННЕМ ПРОСТОРЕ

Сколько свободы в этом просторе,
сливается синее с золотым,
и здесь над рекою, на косогоре
совсем забывается давнее горе
и кажется, будешь всегда молодым,

и кажется, — большего в жизни не надо,
лишь только глазами жадными пить
до самого дна голубую прохладу,
лицо подставляя дождю листопада,
с наивной надеждою вечно прожить.

Но не бессмертьем, не вечным покоем
сердце свое успокоить хочу.

Остыв от раздоров и от злословья,
пусть мается сердце другою тоскою:
«А вдруг я уже никогда не взлечу?»

Прошу тебя, жизнь, как высшей награды
хотя бы за то, что так жадно живу,
простор ощутить не горлом, не взглядом —
крылом зачерпнуть небесной прохлады
и в этом просторе проплыть наяву.

* * *

Какая бескрайняя воля!
Не мучай себя, не неволь.
Тебе было надобно боли?
Так вот она — главная боль,

где небо уже безутешно,
хотя только завтра отлет.
И звук обреченный, нездешний
плывет над тобой и плывет,

как-будто в слезах и смятеньи,
лицо повернув на закат,
проводит печальную тему
на скрипке своей музыкант...

* * *

Закрывать глаза — и в сон, и в сад,
туда, где вишен белых купы
через мгновенье облетят,
лишь только ты подаришь губы.

Там поутру кусты стоят
в росе с сиреневым отливом,
там был бездумно-юным я,
не понимая, что... счастливым.

* * *

Ты прошепчешь мне: «Плещется дождь...»,
свет погасишь и сбросишь халатик.
Но на деле бунтующий вождь
город занял и требует платы.

Я проснусь поутру от тебя,
будет сад обновленным и влажным.
И в саду, с веток дождь теребя,
это утро найду самым важным

в своей жизни, что в дождь обронил...
Бедный вождь мой, непобедимый!
Но под желобом, в кадке — взгляни! —
сколько слез от полночной любимой...

* * *

Ставень скрипит на ветру,
и до рассвета далеко.
Но возвестит поутру
снова в распахнутость окон
птица шальная в бору,
что в эту злую простуду
я никогда не умру,
если тебя не забуду.

ХУДОЖНИК

Он жил под крышею один,
безумный гений и преступник.
И на него со всех картин
она смотрела неотступно.

Картины эти, прах и тлен,
он уничтожил до единой.
Остались стены, но со стен
к нему рвалась непобедимо.

Он умирал и воскресал,
и — сразу дьявольская сила
по Эберт-штрассе на вокзал,
как на Голгофу, возносила.

И на вокзальных сквозняках
он ждал, объятый сквозняками,
пока с ребенком на руках
она пред ним не возникала.

Он поднимался на этаж,
где ждал в огромности студийной
пустой мольберт — бессонный страж
его любви непобедимой.

* * *

Какие годы пролетели,
как быстро молодость прошла!
И за вселенские пределы
ушла бессонная душа.

А я любил своей любовью
тебя у счастья на краю.
Я был готов судьбой любую
испить бессонницу мою.

Пусть как на свалке, среди мусора,
я жил, устав от немоты.
Но, как пленительная музыка,
всю жизнь во мне звучала ты.

Начинает сесть голова,
и становятся строже и строже,
на закат улетая, слова,
половину дороги итожа.

Половина дороги... И та
без тебя, без любви. Неужели?!
Оглянусь — позади пустота,
словно холод свистит из туннеля.

Ах, не жаль суеты и борьбы,
только горечь, что ты с опозданием
на изломе вечерней судьбы
обозначилась чистой и ранней.

Я любил бы и боготворил!
Где же ты до сих пор пропадала?
Бог тебя над землею носил —
ты меня с высоты не видала?

Но, забыв про гордыню свою,
приготовившись к страшной расплате,
перед тобой на коленях стою
и целую руки и платье.

* * *

Да, жизнь за песней не прошла,
как показалось поначалу,
хотя повенчана с печалью
моя бессонная душа.

И ты, разлука, не прошла,
с моею жизнью породнившись,
и оттого грустней и ниже
наклон гудящего крыла.

Но я лечу, но я пою
над засыпающей равниной,
над женщиною несравнимой,
заполонившей жизнь мою.

* * *

Я тебя заклинаю в девятом кругу,
что уже без печали твоей не могу.

Я тебе говорю среди белого дня:
«Не суди, если можешь, огульно меня!»

Я во многом виновен, но только не в том,
что стояли, обнявшись, в году ветровом.

Ты казни или милуй, и снова казни,
только сердце мое с этой плахи возьми!

Я не зря повторяю у смертной черты,
что была иногда справедливою ты,

что, скорбя, ненавидя, но все же любя,
я уже никогда не забуду тебя.

СОДЕРЖАНИЕ

Сирень	5
«В самолете уснул и заплакал...»	7
«Я поставил тебя, как икону...»	8
«Бывает миг, когда печально...»	9
«И локон пепельных волос...»	10
«И я был счастливым...»	11
«От одиночества спасала письмом...»	12
«Вот и выпали снега...»	13
«Нет тише этой тишины...»	14
«Снега повалили, словно снега судьбы...»	16
Стихи февралю	17
«Вивальди. «Ночь»	19
«Какая долгая зима...»	20
«...И никого... И снег стоит...»	21
«Однажды посреди пути...»	22
«Зима устала, замерла...»	23
«Я развеял над миром, как пепел...»	24
«Дышать легко и жить небожно...»	25
«Мне снился дождь в осеннем палисаде...»	26
«Поперхнувшись табачным дымом...»	27
«Не рви мое сердце на части!...»	28
«Я потрясал людей до слез...»	29
«Всю ночь весна буянила...»	30
«Что случилось, что стряслось?...»	32
«...Как велика холодная Сибирь...»	33
«...Закрою дверь, как закрывают книгу...»	34
«Может, фортуна дудит на трубе...»	35

Деревенский роман	37
«Долетит вдруг среди гама и гуда...»	38
«Как же мог о тебе позабыть я...»	40
1937 — 1973	41
«Приснились стихи...»	42
Круг	43
«Вот и опять ты меня завела...»	47
«Я эту мысль додумаю потом...»	48
«...И стояла в березовой роще вода...»	49
«Промываются окна в домах деревянных...»	50
«Так целовать, чтоб летели заколки...»	51
«Глаза б мои не видели тебя...»	52
«Летишь сквозь небесные вьюги...»	53
Отрочество	54
Роща в ноябре	56
«Еще ноябрь не наступал...»	57
На осеннем просторе	58
«Какая бескрайняя воля!...»	60
«Закреть глаза — и в сон, и в сад...»	61
«Ты прошепчешь мне...»	62
«Ставень скрипит на ветру...»	63
Художник	64
«Какие годы пролетели...»	65
«Начинает сесть голова...»	67
«Да, жизнь за песней не прошла...»	68
«Я тебя заклинаю в девятом кругу...»	69

ББК 84.3Р7
К 29

Литературно-художественное издание
- Катков Александр Иванович
СИРЕНЬ

Стихотворения о любви

На первой стороне обложки репродукция
Михаила Врубеля «Сирень», 1900 г.

Редактор **Борис Бурмистров**
Корректор **А.Ф. Великанов**
Художественный редактор
Василий Кравчук
Компьютерный набор и верстка
Екатерина Кравчук

Подписано в печать 22.08.2005
Формат 70х90 1/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура **Times**.
Уч.-изд. л 2,6. Тираж 1000 экз. Заказ №560.

Издательство «Сибирский писатель»
650099, г. Кемерово, пр-т Советский, 40.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Кузбассвузиздат»
www.kvi.bir.ru

© Катков А.И., 2005

© Кравчук В.П., оформление, 2005

Александр КАТКОВ

Родился 27 июня 1950 года в казачьем хуторе Зайцево Ставропольского края. Учился в Пятигорском институте иностранных языков. Продолжил учебу в университете имени Карла Маркса в городе Лейпциге (Германия) защитил дипломную работу на факультете германистики. Служил в ракетных войсках в Прибалтике (г. Таураге). Работал переводчиком, преподавал немецкий язык в вузах города Кемерово.

Автор поэтических книг «Синие ставни» «Чаша», «Ветер славянства», «Путь на Итаку».

Член Союза писателей России с 1992 года.